

Григорий Барац

Эмигрант

С каждым годом все тяжелее было подниматься по крутой металлической лестнице к себе на рабочее место, в так называемый «кабинет» начальника кузнечно-заготовительного цеха, заместителю начальника кузнечно-заготовительного цеха Иосифу Давидовичу Кислису. Заместителем он стал лет двадцать пять назад, пройдя все ступени профессионального роста, от штамповщика, гибщика, гильотинщика до кузнеца. Не перепрыгивал он и административные высоты: подмастерье, рабочий, звеньевой, бригадир, мастер, заместитель начальника цеха. На этой должности он пережил то ли семь, то ли девять то ли начальников, то ли исполняющих или не исполняющих обязанности начальника цеха, но оставался замом, работая, как в песне поется, за себя и за того парня.

Кабинетом Кислиса называлась халабуда из жестяных листов, окрашенная серой безликой дешевой грунтовкой, находящаяся под самым потолком цеха. Летом в ней было жарко, зимой – холодно. В халабуде стоял стол, покрытый изрезанной цветастой клеенкой, исполнявший функции обеденного и рабочего места. На нижней полке самопального сейфа, дверца которого никогда не закрывалась, лежали документы: сметы, калькуляции, отчеты, ведомости. На верхней – банки с остатками еды, плохо вымытые тарелки, стаканы, вилки и бутылки из-под воды.

Как ни старался Кислис наводить порядок, отделяя бытовуху от деловухи, через время все вновь смешивалось в творческом беспорядке. Он не умел отказывать. Учетчики и нормировщики, мастера, бригадиры и рабочие заходили к нему в обеденный перерыв поболтать. Приносили свои «тормозки» – домашнюю

еду, завернутую в газеты, борщи и супы в пол-литровых банках. Крошки сыпались на пол, содержимое банок проливалось на клеенку и потом уже на пол. Остатки еды, промасленные газетные комки сваливались в ведро, стоящее под столом.

Самые проверенные способы борьбы с прусаками лишь на время отпугивали их от кабинета. Ночной их шабаш заканчивался только скрежетом открывающейся железной двери на заржавевших петлях. Этот скрежет, безостановочно продолжающийся весь рабочий день, был самым эффективным методом отпугивания этих мелких тварей, которых Кислис не переваривал, пожалуй, больше, чем алкоголь.

Терпеливо выслушивал Кислис семейные истории о мужьях и женах, о свадьбах и разводах, о школьных и студенческихключениях детей, о пьянках, драках и замирениях. Советы его, как разрулить ситуацию, выслушивали невнимательно. Заранее знали его уговоры – даже худой мир в семье лучше размолвок и ссоры. За глаза его называли «наш ребе», хотя не многие понимали, что это значит.

Важно было поплакаться Давыдовичу в жилетку – это успокаивало и обнадеживало. Он помнил все истории и, начиная оперативные совещания, которые проводились по понедельникам, прежде всего, интересовался домашними делами своих подчиненных. В ответ слышал расхожую фразу о том, что у нас страна советов.

Видимых причин заморозки должностного роста Кислиса было как минимум две. Во-первых, в кресло начальника условно усаживали дядю, так сказать, стажа руководящей работы, сынков партийных бонз, чтобы через полтора-два года «объективка» соответствовала переводу в руководящие и направляющие партийные органы. Во-вторых – беспартийность самого Кислиса.

Не видимой, но бросающейся в глаза причиной была предательская внешность. Не нужно было быть антропологом, чтобы легко разоблачить в нем ашкеназского иудея: небольшого роста, курчавые волнистые волосы, миндалевидные, готовые к состраданию коричневые глаза, в которых, как говорят, отражалась вся грусть еврейского народа, слегка оттопыренные ушные раковины, краснеющие при самых невинных бранных

словах, и самая доказательная улика – нос, еврейский нос, узнаваемый благодаря карикатуристам, начиная от Кукрыниксов и других крокодиловцев, изображающих жидомасонских буржуинов, высасывающих пролетарскую кровь.

В эпизодические периоды вакуума цехового начальника Кислис робко обращался к директору завода. Тот в очередной раз колотил себя кулаком в грудь, клялся, что приказ о назначении Кислиса начальником цеха им подписан, но парторг не дает ему ходу. «Реши свой партийный вопрос, а за мной дело не станет», – заканчивал разговор добрый честный директор.

Беседа с парторгом была обычно более продолжительной. Начиналась она со сложной международной и внутривластной обстановки, продолжалась о врагах, страдающих бессонницей, то есть не дремлющих, заканчивалась призывами повернуться лицом к вопросу и жить жизнью коллектива. Как это делать, парторг не объяснял, но зато клятвенно обещал: «Как только ты решишь свой административный вопрос, мы тут же решим партийный».

Когда начальником цеха назначили Николая Пустяка, молодого высокого курчавого партийного парня, Кислис не сомневался, что через полгода, год его переведут в райком партии, а может быть, и выше, в зависимости от волосатости руки, которая его тянула. Как ни старался заместитель заинтересовать начинающего начальника жизнью цеха, ему это никак не удавалось. Зато он поименно знал весь так называемый партийно-хозяйственный актив области, города и района, даты их дней рождения.

Ему поручали встречать, провожать и выгуливать приезжающих с инспекциями инструкторов рай-, гор-, облкомитетов партии и среднего калибра начальников республиканских организаций. Делал он это виртуозно, с налетом конфиденциальности. Номера в элитной партийной гостинице бронировал не на имя приезжего, а на свое имя. Вводил гостя в ресторан через служебный вход, прямым ходом в отдельную кабинку. Развлекал, рассказывая скабрзные бородатые анекдоты. Выпивал ровно столько, сколько и подопечные. Лишь однажды оконфузился. Провожая после отвалного ужина высокого гостя, затолкал его спяну не в тот поезд.

Неделями отсутствовал Пустяк на предприятии, а вернувшись, даже не удосуживался поинтересоваться делами цеха. Знал наперед: Кислис – плати ему, не плати – все одно будет работать на совесть. Одно лишь дело не доверял никому: распределение премий за очередное переходящее красное знамя цеху, перевыполнившему план, доплат за сверхурочные и ежеквартальную прогрессивку неизвестно за что. Как ни кроил он премиальный фонд, все равно его премия была самой большой. «Так положено», – говорил он Кислису, не задававшему вопросы.

И все же до теплого партийного места аппаратчика он не дотянул. «Есть мнение избрать Николая Петровича Пустяка партгоргом завода, – убедительно произнес на собрании первый секретарь райкома и, даже не взглянув на послушно вытянутые вверх руки, заключил: – Единогласно».

И вновь заместитель начальника цеха Кислис стал начальником цеха с ослиной приставкой «и. о.».

Работяги его уважали, то есть не прятались, когда крали металл. Знали: Давидыч не продаст. Большинство жили неподалеку, в развалюхах, построенных дедами, в так называемом частном секторе. Крали не для продажи, а по домашней необходимости, но и для продажи тоже. Сбывали тут же, неподалеку, на Староконном рынке. И там же пропивали выручку.

Одного Давидыч не прощал – пьянки на работе. И, как бы ему ни было противно, ежедневно в начале смены обходил цех, подставляя свой выгнутый дугой еврейский нос под выхлопы заподозренных. Почуяв спиртовой дух, даже с устатку, не ругал, не штрафовал, а отправлял домой проспать.

Простил он и новенького, который, как он сам выражался, недавно откинулся, что означало вышел из тюрьмы, присланного кадровиками на испытательный срок. Широкоплечий, высоченный, коренастый, с длинными не по росту руками, он поднимал на гильотину вдвое больше и тяжелее его самого листы железа, как бумажные. Нарезав лист на части, складывал полуторاپудовые заготовки в стопки. Звали его Серега Кованный. И правда, резкие углы его скул, выдвинутый вперед подбородок и глубокие провалы морщин на лбу, будто выкованные молотом на наковальне, подтверждали его происхождение от кузнеца.

Учуяв перегар, Кислис, отвернувшись от Кованного, тоном провинившегося школьника произнес: «Домой, идите домой. Побольше воды, таблетку, лучше две пирамидона и поспите, хорошенько выспитесь». В этих простодушных жалостливых словах бывшему «сидельцу» почудилась издевка.

– Лепило нашелся, – сказал он, цвиркнув сквозь зубы желтую никотиновую слюну. – Засунь свой пирамидон в задницу и ехай в свой Израиль.

Кислис не возмутился и не оскорбился. Сгорбился, отвернулся и, медленно взбираясь по лестнице, наивно задавался вопросом о том, от кого могли рабочие узнать, что ОВИР уже почти год не дает его семье разрешение на выезд в Израиль.

Провожать эмигранта пришли далеко не все, кого Кислис считал друзьями, не говоря уже о приятелях и сотрудниках. Многочисленное семейство с чемоданами и сумками, окруженное редким кольцом родственников, пробиравлось к стойке оформления посадочных талонов, когда в открытые двери провинциального одесского аэропорта плотными ручьями вошли рабочие кузнечно-заготовительного цеха. И только один новенький остался на ступеньках у входа и курил одну беломорину за другой.

Невесть откуда появились прилизанные широкоплечие парни, пытающиеся бочком пробраться к прощавшимся. Но все понимающие работяги оттирали их, давая пройти своим. В тот момент, когда громкоговоритель сообщил о том, что регистрация заканчивается, к Кислису протиснулся Серега Кованный. Он облапил тщедушную фигурку Кислиса и голосом, не умеющим переходить на шепот, пробасил: «Давыдыч, ты человек».

В Израиле Кислису объяснили, что заместителей начальников цеха здесь полстраны, потому что вторая половина – начальники и директора. Он мог бы вовсе не работать, но не работать он не мог. Завод, куда отправила его пышнотелая брюнетка из организации по трудоустройству, напоминал поликлинику, а рабочие в голубых халатах – врачей. Мастер, молодой смуглолицый парень, объяснил, как установить заготовку, закрепить заготовку и снять готовую деталь. Остальное умный станок делал самостоятельно, не требуя участия «молодого» рабочего.

Зарплата была достойной, запросы невелики. Хватало на оплату небольшой уютно обставленной квартирки с большой террасой, откуда видно было море. Машиной он не обзавелся – не по карману. Но ущемленным себя не чувствовал. В прежней жизни у него машины тоже не было. Числился в заводской очереди на «жигуленок», но все время кто-то оказывался впереди него.

Экзотическим продуктам Кислис не доверял, но иногда по праздникам позволял себе побаловать семью деликатесами, но теми, что были ему известны. Но даже на третьем году эмиграции, просыпаясь ночью, Кислис не сразу понимал, что он не у себя дома, в Одессе на Базарной. Пробираясь ночью к туалету вслепую десятилетиями исхоженным маршрутом, натываясь на стулья и упираясь в стены, не сразу соображал, где он.

Решение о возвращении зрело и обсуждалось в семье гораздо дольше, чем отъезд. Все разрешилось само по себе. Женил сына, выдал замуж дочь. Подросла приличная пенсия. Все, что можно было отремонтировать и благоустроить в квартире, сделал и сильно затосковал. Как обычно в еврейских семьях, ответственность взяла на себя женщина. Глядя, как он мается, жена предложила: «А поезжай на разведку, там видно будет».

Знал бы он, что «там будет видно»! Двухэтажная заводская проходная превратилась в сверкающий зеркальными окнами многоярусный офисный центр. У входа, где прежде парковалась директорская черная «Волга», несколько «жигулей» и «москвичей», рядами выстроились шикарные авто, которые он, не разбираясь в моделях, как и прежде, называл иномарками. Цех, где он проработал полжизни, превратился в гигантский оптово-розничный торговый центр.

Прибитый и раздавленный блеском торговых витрин, стеллажей и прилавков, огромных рекламных экранов, он бродил, с грустью вспоминая о прошлой жизни этого пространства, и она казалась ему замечательной. «Два раза в один цех не войдешь», – ухмыльнулся он про себя и побрел к выходу.

Уже проходя автостоянку, он услышал, как кто-то дважды прокричал: «Давыдыч, Давыдыч!». Оглянувшись, он увидел, как из подъехавшей огромной серебристой машины, по габаритам напоминающей автобус, выходит тот самый новенький, продолжая

восторженно орать: «Давыдыч! Давыдыч!». Кислис узнал его сразу, несмотря на то, что Серега Кованный был одет в элегантный костюм, несмотря на августовскую жару.

Точно так же, как и во время провожания в аэропорту, Серега, который был на голову выше, обхватил Кислиса, прижав его лицо к своему неумело повязанному галстуку.

– Давыдыч, Давыдыч, – повторял он, – ты как здесь нарисовался? Как сам?

Ошеломленный неожиданной встречей, Кислис смущенно и несвязно выложил все наболевшее и, удивленно глядя на Серегу и обращаясь к нему на «вы», поинтересовался:

– Как ваши дела, Серега? Чем занимаетесь?

Задав эти вопросы, он тут же понял, что это нельзя было делать, и поэтому добавил:

– Если не хотите – не отвечайте.

– Хочу, Давыдыч, хочу! Вот, – обвел он рукой торговый центр, – только открылся. С корешами скинулись вовремя и за мелочь купили.

Кислис, подняв голову и раздув ноздри, интуитивно потянулся к «выхлопу» говорящего и бурно жестикулирующего новенького. Тот, заметив это движение, ударил себя в грудь молотобойным кулаком и обиженно пробасил:

– Давыдыч, мамой клянусь, с бухалом давно завязал, – и тут же продолжил: – да что там торговля – так, семечки по карманам тырить: завод запускаем. Давыдыч, иди ко мне директором, сколько скажешь, столько будешь получать.

Подхватив под руку обалдевшего от неожиданного сумасшедшего предложения Кислиса и усадив его на переднее сиденье своего навороченного джипа, Серега помчал по Бугаевке в сторону Киевской трассы.

– Давыдыч, Давыдыч, – как заклинание повторял Серега, – не пожалеешь. Квартиру дам, машину дам, водителя дам. Только оставайся.

Цеха завода, который десятилетиями выпускал коробки, банки для хранения продуктов и крышки для домашних закруток, были безлюдны. Таможенные пошлины, установленные после распада советского государства на жесть, из которой изготавли-

вались так называемые «товары народного потребления», и без того с трудом находящие покупателей, сделали их производство и вовсе убыточным. Завод был продан за бесценок.

– Представляешь, Давыдыч, – продолжал на ходу уговаривать Кислиса Серега, – будем выпускать бронированные двери, металлопластиковые окна, роллеты, замки. Это все сейчас позарез требуется.

Чем дольше ходил Кислис по цехам, уставленным не распакованным оборудованием, тем больше крепло его решение вновь окунуться в известное ему кипучее море производственной жизни. Он представлял себе, как оживут станки, как запоет стружка под резцами, как будут ухать многотонные прессы. Войдя в пустой актовый зал, он воочию увидел, как соберет команду стариков, известных ему опытных технологов, конструкторов, инженеров и мастеров. Как войдет в зал последним и обнимется с каждым. Сердце его колотилось от предстоящих страстей на оперативках и пятиминутках.

Серега, Сергей Владимирович Кованный, не обманул. Нижняя половина окон двухкомнатной квартиры в новенькой высотке, купленной на имя Кислиса, была заполнена зеленью, верхняя – морем. Подаренная «тойота» стояла не востребованной. Кислис не хотел учиться водить – боялся. Но исправно к семи утра за ним приезжал служебный «Мерседес». До пляжа, куда почти ежедневно ходила супруга, а Кислис только по воскресеньям, – неспешно пять минут.

Окна его кабинета с одной стороны смотрели на заводской дворик с небольшим фонтанчиком посередине, окруженным цветами, с другой – в цех. Так удобно было следить за процессом сборки и вести учет готовых изделий. Кроме зарплаты, которую Кислис назначил сам себе, значительно уменьшив возможности Кованного, ему причитался процент за реализованную продукцию.

Но и Кислис не подвел. Правда, получилось не совсем так, как он себе представлял. Большинство стариков-заводчан, на которых он надеялся, потеряв работу, подрядились на рынках перекупщиками, продавцами, реализаторами и, боясь потерять даже этот скудный заработок, отказывались уволиться, несмотря

на солидные посулы. Из эмиграции никто, кроме него, не вернулся. И годы его отсутствия унесли многих в воспоминания.

Завод, в особенности конструкторско-технологический отдел, все больше заполнялся молодыми людьми. Выбросить на свалку целехонькие кульмана, допотопные чертежные доски с пантографом Кислис позволить не мог. Едва уговорил директора неподалеку расположенной ремеслухи принять их в подарок. Им взамен появились специальные столы с компьютерами. У станков, которые даже по конфигурации не были похожи на прежние, также стояли молодые, но вполне самостоятельные парни.

Не прошло и года, как Кованный повез на выставку первые образцы продукции. Вернулся не только с дипломами, но и с заказами на год вперед. Склад пустовал. Со сборки продукция сразу загружалась на машины заказчиков, предусмотрительно дежуривших у ворот завода.

Годовой отчет Кислис готовил скрупулезно, со знанием дела, сравнивая цифры закупленного сырья с выходом заготовок, количество поступивших в механический цех болванок с изготовленными деталями, комплект материалов и комплектующих, переданных сборщикам, с готовой продукцией и ее реализацией. «Доверяй, но проверяй», – бормотал он про себя известную формулу взаимоотношений с подчиненными.

На всех переделах, кроме последнего, все сходилось, по его выражению, «тютелька в тютельку». Реализовано изделий было гораздо меньше произведенных. Как ни перепроверял Кислис свои расчеты, они только подтверждали порочный результат. Он не представлял себе, как доложит об этом Сергею Владимировичу. Но делать это ему не пришлось. Кованный рассказал ему, сколько продукции ушло налево. «Ты пойми, Давыдыч, у нас по-другому нельзя. Если я все налоги платить буду, что я наверх отнесу?! А если я наверх не отнесу, так мне и налоги платить не надо будет».

Пожитки Кислисов уместились в два чемодана. В ответ на уговоры остаться Кислис молчал и только отрицательно качал головой. «Здесь тебе на всю жизнь хватит», – положив на стол банковскую карточку, угрюмо произнес Кованный и, схватив чемоданы, которые в его руках казались дамскими сумочками, понес их к своей огромной машине.

Ко времени, когда Кованный доставил Кислисов в аэропорт, не изменившийся с момента первого отъезда, стояла немногочисленная группка сотрудников, с которыми сложились приятельские отношения. Когда последним попрощаться подошел Кованный, сотрудники удивленно посторонились, впервые увидев на его лице слезы. А он и не скрывал их. Обняв Кислиса, он плакал, как плачут, когда понимают, что видят родного человека в последний раз. «Давыдыч, Давыдыч, – повторял он сквозь слезы, – ты человек».

